

Черт побери, до чего же мерзкая погода! А кто-то уверял, что начало октября в Европе чуть ли не лучшее время. Мелкий холодный дождь, и ветер пробирает до костей. А я, идиот, поверил. Завтра же куплю теплую куртку, знать бы еще, где ее купить... Сволочи, пригласили на ярмарку — и запихнули в эту дыру! И никто меня теперь не убеждает, что Висбаден не дыра! Знаменитый курорт, чтоб ему пропасть! А завтра с утра надо тащиться на вокзал и сесть на нужный поезд, тоже задача не из легких, особенно когда по-немецки ни в зуб ногой. И совершенно никому нет до меня дела. А почему, собственно, кому-то должно быть до меня дело? Что я за персона такая? Писатель? Ну и что? Писателей тут как собак нерезаных, вон одно наше издательство привезло сюда человек тридцать, если не больше, и все считаются писателями. Какие-то неведомые люди. Впрочем, для них и я, наверное, неведомый. Даже наверняка! Так что все правильно, Федор Васильевич, все правильно. А Висбаден все равно дыра, и гости-

ница... Даже поужинать нельзя, видите ли, у них только завтраки... Воображаю эти завтраки! И телефона в номере нет, и вообще он больше похож на келью, хорошо, хоть сортир и душ имеются. Тоска смертная. Нормальный человек, наверное, пошел бы в казино, разыскал бы хороший ресторан, не может же быть, что тут нет хороших ресторанов. Я почему-то сразу невзлюбил этот город и не хочу ничего искать, я бы и сам не поверил, что в первый вечер в Висбадене буду ужинать в каком-то занюханном кебаб-хаузе... Впрочем, надо признать, эта турецкая шамовка довольно вкусная, но все равно противно и наверняка заболит печень. А завтра еще предстоит какое-то мероприятие, где главным действующим лицом буду я. И в издательстве никто не объяснил, что именно это будет. Интервью? Выступление? На мой вопрос директор издательства рассмеялся и ответил беспечно: «Не волнуйтесь, Федор Васильевич, ну зададут вам пару вопросов, вот и все. Гуляйте себе, получайте удовольствие!» Легко сказать! Я ведь тут первый раз... Вот перед Лейпцигской ярмаркой мне все четко и заранее объяснили: такого-то числа — круглый стол, такого-то — вечер в кафе и надо прочесть по-русски отрывок из романа, потом переводчик прочтет тот же отрывок по-немецки, а потом будут вопросы посетителей кафе. Я думал, ни одна собака не задаст мне вопроса, но, как ни странно, вопросов было

немало. Приятно, что ни говори; там вообще было приятно, в Лейпциге. Отлично все организовано, прекрасная гостиница в центре города, а тут... Никто не встречал, никто даже не предупредил, что жить я буду в Висбадене... До сих пор противно вспомнить, как страшновато было ехать по темному шоссе неведомо куда... Перетрухали, Федор Васильевич, признайтесь? Стареее, голубчик, дорожите своим комфортом, разбаловались, разнежились... Занимался бы этими гостиничными проблемами мужик, я бы с ним поговорил по-своему, а тут девица... красивая, надо заметить, и у нее таких, как я — тридцать пять человек... Хотя предупредить, что эта чертова гостиница находится не во Франкфурте, она могла бы... Но бог с ней, пусть живет. Интересно, она с кем-то из приехавших живет? Эффектная, сексуальная. Может, приударить за ней? Да ну, не хочу я ни за кем приударять. Надоело. И вообще, надо пойти и лечь спать. Утро вечера мудренее. Может, завтра и Висбаден не покажется такой уж дырой... Тут вроде бы и Тургенев бывал, и Достоевский. А вот теперь и вы, Федор Васильевич, сподобились.

Он открыл выданным ему ключом дверь маленькой провинциальной гостиницы. Вероятно, подразумевалось, что это семейный отель, но его все безумно здесь раздражало. Он стал подниматься к себе на четвертый этаж. Он был в неплохой физической форме, и ему не составляло тру-

да подняться наверх, но он помнил, как в момент его водворения здесь приехала весьма упитанная, немолодая дама с огромным, неподъемным чемоданом и ее, разумеется, поселили на последний этаж, а в гостинице ни лифта, ни боя, и он просто не мог оставить даму в беде... Она так его благодарила... Тоже писательница, как выяснилось, пишет дамские романы. Интересно, чем они думали, запихивая ее на верхний этаж?

Свет на лестнице был неяркий, но он вдруг увидел, как на ступеньке что-то блеснуло. Пригляделся. Какое-то дамское украшение. Сережка, что ли? Да, сережка. Полукруг с маленькими темно-красными камушками и штырьком на изнанке. Гранаты, сразу определил он. Надо бы отдать портье, но там, похоже, уже никого нет, во всяком случае, когда он проходил мимо двери, ведущей в маленький зал, где была стойка портье и где утром подают завтраки, свет уже не горел. Ничего, утром отдам. Должно быть, владелица гранатов обрадуется. Интересно, какая она? Странно, раздражения и злости как не бывало. Черт побери, а это неплохой сюжетный ход, наверняка старый как мир, но... Герой гадает по найденному украшению, какая она, женщина, потерявшая его? Молодая? Вероятно. Красивая? Неизвестно. Наверняка небогатая, украшение скромное, в серебре, но изящное, хорошего вкуса. Гранаты... Его мать обожала купринский «Гранатовый браслет», а ему эта вещь всегда пред-

ставлялась пошлостью... Вероятно, она невысокая кареглазая блондинка, с хорошей фигурой, но с пышными формами, веселая и привлекательная. Но раз в воображении возник именно такой образ, то, скорее всего, она длинная, тощая брюнетка. А может, рыжая, среднего роста, лет двадцати трех, почему-то возраст определялся только у рыжей... И зовут ее... Впрочем, какая разница, как ее зовут. В любом случае найденная сережка — отличный повод для знакомства. А что, если сережку потеряла та полная дамская писательница? Она милая, с хорошим чувством юмора, но для романа безнадежно стара... Нет, у нее в ушах были серьги с бирюзой, сейчас он отчетливо это вспомнил. Вот и хорошо. У Светланы, той красотки, которая в издательстве ведала расселением, в ушах были длинные цыганские серьги, — значит, не она. Что ж, тем лучше, тем интереснее. А может, пусть Андрей — он имел в виду героя своей новой повести — тоже найдет серьгу... Это очень кстати... Ему вдруг безумно захотелось домой, в свою маленькую квартиру, к компьютеру... Он не любил тусовку, а тут предстояла, как он понял, именно мощная тусовка, как в анекдоте... К черту, буду лучше думать о незнакомке. И он уснул.

Когда утром он спустился к завтраку, никого из издательских там уже не было. Он без всякого удовольствия позавтракал, но тут же вспомнил чеховскую Мерчуткину: «Нынче кофей пила без

всякого удовольствия!» — и рассмеялся. Поднявшись к себе, позвонил по мобильнику приятелю, живущему ныне в Дюссельдорфе:

— Привет, Владя! Звоню, как обещал.

— Ну как, где ты устроился?

— Меня запихали в Висбаден.

— Висбаден? Тебе повезло, чудесный городок!

— Ну пока я ничего чудесного не обнаружил.

Но дело не в этом. Ты ко мне собираешься?

— У тебя во сколько выступление?

— Я даже не знаю, выступление ли это будет, но назначено на час дня.

— Черт, тогда надо выезжать немедленно... У тебя есть для меня билет?

— Конечно, я попросил в издательстве, мне без звука дали.

— Хорошо. Тогда давай в четверть первого на главном вокзале.

— погоди, я ж ничего тут не знаю!

— Ах ну да! Значит, слушай. Ты сядешь на поезд, доедешь до главного вокзала во Франкфурте, называется Хауптбанхоф, найдешь там главный выход и будешь меня ждать. Выезжай пораньше, чтобы не заблудиться. Если я задержусь, не волнуйся, я могу не сразу припарковаться.

— Слушай, а четверть первого не поздно, мне ж надо все-таки прийти хоть за пять минут...

— Там три минуты езды на метро. На машине просто нет смысла. Все, я выезжаю.

А он-то, дурак, надеялся, что Владя заедет за ним сюда, но, видимо, ему не по дороге. Как отворачивательно чувствовать себя немым идиотом. Надо, наверное, заняться языками. Школьный английский — это ничто. Мог бы, между прочим, и раньше об этом подумать, но... Всякий раз, оказываясь за границей, он решал, что в Москве пойдет на курсы погружения, чтобы иметь возможность хотя бы минимального общения, но все что-то мешало — то работа, то лень... А впрочем, шут с ним, не пропадет же он в Висбадене. Вчера, подъезжая к гостинице на такси, он заметил вокзал и быстро сориентировался. Гостиница была в пяти минутах ходьбы. Действительно, он безошибочно вышел к вокзалу. В тайге и в тундре не заблудился, так не заблудится и во Франкфурте!

Билетной кассы он, однако, не обнаружил. Зато нашел автомат по продаже билетов и принялся изучать длиннющий список станций. Нашел Франкфурт-на-Майне с разными непонятными обозначениями. Аббревиатуру HBF он расшифровал: Хауптбанхоф, главный вокзал. Уже хорошо, но как выбрать подходящий поезд? Вот 10.20, этот, вероятно, подойдет, но кроме HBF там было что-то еще, уже не поддающееся расшифровке. Но тут он увидел вчерашнюю дамскую писательницу, которая изучала такое же расписание у соседнего автомата, и растерянности он у нее не заметил.

— Простите, ради бога, здравствуйте!
— О, мой спаситель! — улыбнулась дама.
— Вы что-нибудь тут понимаете?
— Что-нибудь понимаю! Вам во Франкфурт, естественно?

— Да, но я тут запутался. У меня встреча на главном вокзале...

— И у меня тоже, — рассмеялась она. — Вот подходящий для нас поезд, десять тридцать пять.

— А в десять двадцать?

— Он дольше идет и приходит на подземный вокзал, а там мы можем запутаться.

— Вы тут уже бывали?

— Нет, но я немного знаю немецкий.

— О, значит, мне повезло!

Наконец билеты были куплены, до поезда оставалось пятнадцать минут. Он был преисполнен благодарности. Но тут же с некоторым раздражением подумал, что теперь придется всю дорогу беседовать с дамой, а о чем можно говорить с автором дамских романов? Но она вовсе не стремилась с ним беседовать, кивнула ему и пошла в магазинчик, где торговали газетами и открытками, вскоре вышла оттуда, держа в руках яркий иллюстрированный журнал, и направилась клавочке, стоявшей на перроне.

Что это она меня игнорирует? Хотя к чему она мне? И я ей тоже зачем сдался? Я помог ей, она помогла мне — мы квиты, и до свидания. Но на-

сколько я знаю баб, они раньше всегда на меня реагировали. Но зачем мне реакция этой? Она старше меня лет на пятнадцать. Но тогда тем более... Или я растренировался, потерял форму и даже такие гримзы на меня уже и смотреть не хотят? А может, я просто не в ее вкусе? Или она лесбиянка? А может, уже не чувствует себя женщиной? Да нет, непохоже. Одета модно, современно. Губы накрашены, глаза тоже... Значит, я ей неинтересен? Надо проверить. И тут вдруг он вспомнил про найденную сережку. Отличный предлог!

— Простите меня, — обратился он к ней.

Она оторвалась от журнала и вполне доброжелательно на него взглянула:

— Да?

— Это случайно не вы потеряли?

— Нет, — она покачала головой, — не я. А где вы это нашли?

— Вчера на лестнице в этой чертовой гостинице.

— Надо бы отдать портье.

— Да-да, я просто забыл. И вот подумал, не ваша ли...

В этот момент у дамы в сумке зазвонил мобильник. Она торопливо выхватила его:

— Алло!

И тут ее лицо осветилось такой радостью, что он понял: дама влюблена, ей звонит какой-то Сергей Иванович. Он деликатно отошел в сторонку.

Вот уж воистину любви все возрасты покорны! А я и забыл, что это такое. Он задумчиво смотрел на гранатовую сережку. Она навевала мысли о любви. Грустные мысли, надо сказать. Две его любви окончились крахом. Он с юности умел четко разделять любовь и секс, любовь и увлечение, даже любовь и влюбленность. Все, что не любовь, приносило радость, удовольствие, а от любви одни только неприятности. И он не умел писать о любви. В его ярких приключенческих романах любовь была лишь символом. Ради любви его герои совершали подвиги и подлости, ради любви они боролись со злом, но самой любви в его книгах не было. Он не умел. Однако в последнее время ему хотелось написать что-то лирическое, тонкое, какую-нибудь новеллу о грустной любви, такой, какая была у него с Верой...

Вера часто ему снилась, и он просыпался тогда весь в поту и потом не мог спокойно работать. Надо о ней написать... Изжить это таким образом, во всяком случае попытаться. Конечно, это не будет их история, кому это нужно, нет, просто героиня будет носить имя Вера... И еще она тоже умрет... А герой останется... И найдет сережку... не сразу, а через много лет, а потом по этой сережке отыщет женщину, в которую влюбится... Наверное, именно влюбится, а не полюбит, и это будет счастье. Вера и вправду умерла, а я нашел сережку... Значит, и женщину найду, веселую, рыжень-

кую, кареглазую, пухленькую, со звонким голо-сом, нежную, горячую... Его будут звать Сергеем, Сережкой. На этом можно неплохо сыграть. Сережка нашел сережку... Игра, конечно, не бог весть какая, но может получиться довольно мило, а то мне уже надоели мои мужественные парни, готовые в огонь и в воду. Но они принесли мне успех, и деньги, и, кажется, что-то вроде славы, во всяком случае некоторую популярность — уж точно. Разве я когда-нибудь думал, что буду давать автографы? Смешно, ей-богу! Скорей бы увидеться с Владькой, с ним никакие лирические мотивы в голову не ползут. Пойдем куда-нибудь — пообедаем, выпьем, как бывало, и всю эту лирику как рукой снимет.

Он так задумался, что едва не пропустил поезд. И оказался один в вагоне. Черт, надо было сесть с этой теткой, она все-таки знает немецкий, если что. А что, собственно, может быть? Ну войдет, на худой конец, контролер, так я же не зайцем еду. А станция моя конечная, так в чем дело? Нет, все-таки необходимо знать хоть один иностранный язык, отвратительное ощущение немоты и беспомощности. Пойти, что ли, по вагонам, отыскать дамскую писательницу? Как-то спокойнее будет... Подходить к ней и лезть с разговорами не стану, просто сяду в том же вагоне. Надо же, она влюблена... Интересно, в кого? В молодого, наверное? Такие дамы обычно влюбляются в маль-

чиков, ну не в старика же, в самом деле? Но она назвала его по имени-отчеству... А что тут такого? Он может быть вполне взрослым мужчиной, которого зовут по имени-отчеству, но лет на двадцать моложе ее... Ну это я хватил! А впрочем, шут с ней. Но он все-таки решил поискать соотечественницу. Правда, в этот момент появился какой-то парень, сразу подошел к нему и как-то требовательно протянул руку. Он в ответ вытащил из кармана билетик, вовсе не будучи уверенным, что парень — контролер. Но тот и вправду оказался контролером. К тому же поезд остановился и в вагон вошли две юные девицы, обе столь умопомрачительно длинноногие, что он забыл обо всех своих сомнениях и остался сидеть. Они окинули его оценивающим взглядом, но, по-видимому, он ничем их не заинтересовал, и девицы прошли в другой конец вагона. Что это такое? Старая баба не глядит, юные красотки тоже, неужто я уже вышел в тираж? Мне всего сорок четыре, рановато. Но факт налицо. Или, став писателем, я утратил свою мужскую привлекательность? Это что же, и есть та самая сублимация, о которой писал старик Фрейд? Да и женщины у меня уже недели три не было. И ведь только сейчас я об этом вспомнил... Надо срочно найти кого-то. А может, все-таки пора уже жениться, я хорошо отдохнул от семейной жизни, можно еще разок попробовать... Ох, нет, не хочу! Надо завести постоянную бабу, с

самого начала оговорить все условия, чтобы зря не обнадеживать, молодую, хорошенькую, рыженькую, кареглазую... Хотя нет, молодая не пойдет, она будет непременно стремиться замуж, нет, лучше найти красивую, лет тридцати пяти, разочарованную в семейной жизни, разведенную жену какого-нибудь психа или алкаша, тоже ценящую свою свободу... Можно даже с детьми. Нет, с детьми не надо, ей будет не до меня... Значит, лет за тридцать, самостоятельную, но разочарованную в семейной жизни. Такая тоже может быть и рыженькой, и пухленькой. Я буду ей помогать материально. Но так, не слишком, чтобы она не вздумала прибрать меня к рукам, а только чувствовала легкую благодарность. Можно будет ездить с ней отдыхать на недельку, не больше, чтобы не обрыдла. Надо только, чтобы она жила недалеко. Нет, лучше далеко, у меня, в конце концов, есть машина, а если она будет жить близко, то вздумает меня опекать, а это лишнее, ей-богу.

За окном ничего особенно интересного не было. О чем я, кретин, думаю, у меня же в час дня какое-то непонятное мероприятие. Что я буду там делать? Надо подумать, о чем говорить, если придется говорить, что отвечать, если придется отвечать.

Постепенно пустой вагон наполнялся народом, и он успокоился. Все нормально. Я, известный писатель, еду на Франкфуртскую ярмарку, и

в этом нет абсолютно ничего особенного, все в порядке вещей. Но черт побери, разве я мог еще несколько лет назад об этом мечтать? Я и писателем не мечтал быть, все вышло случайно... В моей жизни вообще много случайностей, но эта, пожалуй, самая счастливая. А по-настоящему привлекательных девушек что-то не видно, что-то мне они не нравятся... Грубые, какие-то бесполые и все, как одна, не отрываются от мобильных. Наверное, я стал старый и ворчливый. Это я писатель еще молодой, а мужик уже старый, папик... Именно таких, как я, эти юные особы называют папиками... Какая гадость!

Сориентироваться на франкфуртском вокзале было не так-то просто, к тому же там почему-то стоял лютый холод. Впрочем, и на улице не слишком тепло, а на вокзале просто колотун. Он даже заглянул в какой-то магазинчик, чтобы согреться, и купил там теплые перчатки. Вот что значит осень. В марте на Лейпцигской ярмарке тоже было страшно холодно. В соответствии с московскими и интернетовскими прогнозами все оделось легко, а поскольку на календаре была весна, то найти в Лейпциге теплые перчатки оказалось невозможно. Смешно, ей-богу, опять я на книжную ярмарку приехал — и опять мерзну... Только в Лейпциге все было как-то мило и уютно, а тут...

Наконец он нашел то, что счел главным выходом, и остановился у эскалатора. Тут я сразу увижу Владьку. Только бы не опоздал, а то как я найду этот чертов павильон и стенд, говорят, ярмарка — это целый город...

— Федька!

— О, Владя! Не опоздал, молодчина!

Они обнялись.

— Ну, писатель, дай на тебя поглядеть в новом качестве! Постарел, но... Есть в тебе что-то эдакое, писательское!

— Да ладно тебе! Сколько ж мы не виделись, лет семь?

— Восемь! Когда я уезжал, ты вроде и не соби-
рался писать. Или это было тайной мечтой?

— Даже и не мечтал никогда, а вот начал и не могу остановиться!

— И не надо! Я в Интернете смотрел, у тебя определен-
ный успех!

— В общем да, как ни странно. А ты хоть читал что-нибудь?

— А как же! «Удача с нами!» Любимая книжка моего сына!

— Сколько ему?

— Уже шестнадцать.

— С ума сойти! Ну, Владька, надо мчаться, а то у меня в час...

— Да тут езды пять минут, правда, там надо еще дойти, но все равно успеем. А вот после твоего триумфа...